

---

**УДК 94.(470)**  
**ББК 63.1(2)535-33**  
**П 64**

**А.Ф. Поташев,**

*доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского института защиты предпринимателя, тел. 8(863)2625216, E-mail: af-potashhev@yandex.ru*

## **Историография царствования Николая I**

**(Рецензирована)**

**Аннотация.** Освещается изучение исторической наукой эпохи правления Николая I. Выделены и охарактеризованы этапы развития историографии, сделаны выводы о формировании научной концепции истории второй четверти XIX века как периода укрепления российской государственности, социально-экономических и политических преобразований ставших подготовительным этапом реформ Александра II.

**Ключевые слова:** историография, источники, самодержавие, реформа, реформаторство, модернизация, крестьянство, помещики, крепостное право.

**A.F. Potashev,**

*Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Humanities and Social — Economic Disciplines, Rostov Institute of Protection of the Businessman, ph. 8 (863) 2625216, E-mail: af-potashhev@yandex.ru*

## **Historiography of the reign of Nikolay the First**

**Abstract.** The paper deals with the history of studying an epoch of the reign of Nikolay I by a historical science. The author distinguishes and describes stages of development of a historiography and draws conclusions on formation of the scientific concept of history of the second quarter of the 19th century as period of strengthening the Russian statehood, social and economic and political transformations which have become a preparatory stage of Alexander II reforms.

**Keywords:** historiography, sources, autocracy, reform, reformativeness, modernization, peasantry, landowners, the serfdom.

В XIX в. Россия вступила в эпоху трансформации, смены феодально-крепостнического строя — капиталистическим, традиционного общества — индустриальным, в эпоху промышленной революции и буржуазной модернизации. Создавая индустриальное общество, страна осуществляла общемировую тенденцию, шла за Западной Европой. Это предполагало заимствование и практическое применение идей западно-европейского либерализма. Однако либерализм в европейском понимании не мог иметь широкой социальной базы в стране, где было очень мало собственников и сильны самодержавные традиции. Реальной силой, творив-

шей историю, являлось государство. Оно было и движущей силой реформирования страны. Поэтому русский либерализм приобрел «государственные черты». Обострилась проблема сочетания назревших экономических и социально-политических реформ со стабильностью существовавшего строя.

В процессе формирования в России современного европейского государства проявилась интересная закономерность: чередование периодов «либерализации» (Екатерина II, Александр I) и административного «зажима» (Павел I, Николай I), что позволяло поддерживать общественно-политическую систему в состоянии динамического равновесия.

Екатерининский просвещенный абсолютизм, павловская муштра, александровская благосклонность, николаевская полицейщина, — все это попытки оптимизировать взаимоотношения власти и общества, найти пути решения насущных социально-экономических и политических проблем. Главные из них — судьбы неограниченного самодержавия и крепостного права. Эти проблемы порождены догоняющим типом развития России. Перед Николаем I стояла задача поиска и применения оптимальных методов преодоления стадильного отставания от западноевропейских стран.

Николаевская эпоха — предмет нескончаемых споров политиков, ученых, публицистов. Одни называют её «мрачной и зловещей», другие «замечательными десятилетиями» «созвучия народа и власти». Обилие противоречивых точек зрения делает предмет загадочным, интересным для изучения. В литературе, изданной уже при жизни императора, проявились и апологетика, и разоблачительство, и попытки объективного освещения его деятельности. К теме прикоснулись не только отечественные, но и зарубежные историки, биографы. Она стала также объектом политических спекуляций русских революционеров-эмигрантов.

Начало официальной апологетической историографии положил Н.Г. Устрялов (1847 г.), восхвалявший великодушие и другие личные качества Николая I, а также борьбу против бюрократизма, взяточничества [1]. Через год после кончины царя создана Комиссия по сбору материалов о его жизни и правлении под председательством государственного секретаря М.А. Корфа. Собранные ею материалы легли в основу написания исторических трудов, как русскими, так и зарубежными авторами. Их список приведен в примечаниях к вышедшему в наши дни сборнику документов, писем, дневников, мемуаров, свидетельств современников и трудов историков [2]. Публикация такого двухтомника отражает растущий интерес к рассматриваемой эпохе, неудовлетворенность научной

общественности современным состоянием историографии, стремление дать правдивый портрет самодержца. Отмечено, что многие изданные в XIX в. биографические произведения отличались фактологической полнотой, большим количеством цитируемых документов и свидетельств, извлеченных, в том числе, из малодоступных архивов и частных коллекций, стремлением авторов к объективной оценке Николая I. Добавим, что первые же биографические труды носили политизированный, публицистический характер. Они создавались в условиях острой политической борьбы. Реформы Александра II, развитие революционного движения, постреформенная стабилизация Александра III, взявшего за образец коронационный манифест своего деда, — всё это не могло не обострять, политизировать исторические оценки. Либеральная общественность, недовольная цензурными и другими ограничениями, также распространяла миф о реакционности николаевского царствования. В результате в литературе обнаружился широкий разброс мнений.

Биографы царя — Д.Н. Блудов, М.А. Корф и другие — позитивно оценивали его деятельность. С.М. Соловьев успел оставить лишь отрывочные, в основном критические заметки. Настрой на разоблачительство, характерный для маркиза де-Кюстина, французского путешественника, вошел в противоречие с ценными фактами, наблюдениями, обобщениями, делающими его книгу, переизданную в наши дни, чрезвычайно интересной для читателя. Написанные в историко-биографическом жанре труды освещали николаевскую эпоху сквозь призму деятельности выдающегося императора и не содержали подбострастия к титулованному властелину.

Среди первых биографов Николая I было немало специалистов в других, не исторических областях знаний, способных профессионально оценить его вклад в создание и развитие инженерного дела в России, ведущих отделов и лабораторий Академии наук. В наши дни переиздаются обобщающие

труды генерал-лейтенанта Н.К. Шильдера — начальника Николаевской инженерной академии, затем директора Императорской публичной библиотеки, академика Ф.А. Бредихина, считающегося пионером отечественной астрофизики, директора Московской, а затем Пулковской обсерватории. Последняя, построенная при Николае I, считалась «астрономической столицей мира» и многие годы носила его имя. Труды названных и других непрофессиональных историков содержат вместе с тем важные обобщения, оценки, представляющие несомненную историографическую ценность. Обобщая публикации, изданные к 100-летию императора, Ф.А.Бредихин говорил: «История воспользуется этими воспоминаниями, заметками, чтобы начертать характеристику незабвенного Государя; но для этого не пришла ещё пора: величая личность его не помещается ещё, выражаясь астрономически, в поле нашего зрения; чрез несколько поколений вперед труд этот станет более возможным.

Историки по ремеслу, и те признают, что теперь невозможна ещё даже и полная беспристрастная биография» [3].

Действительно, даже позднее, в начале XX в., А.А. Корнилов считал, что историков царствования Николая I правильнее называть его биографами, «потому что истории этого царствования ещё не существует» [4].

Научное изучение николаевской эпохи, определение её места в ряду предыдущих и последующих царствований начал В.О. Ключевский в «Курсе русской истории». Сопоставление опубликованного текста предпоследней главы, которую автор назвал «кратким обзором царствования Николая», с подготовительными материалами, набросками, дневниковыми записями позволяет проследить движение мысли от политизированных представлений о «постыдном царствовании», «самой разрушительной из всех эпох... после великой разрухи Смутного времени» к позитивному взгляду на «светлые стороны жизни», которые составляли «внешний размах государственной силы», «подъем законодательства

и учредительства», «расцвет русской литературы и русского искусства», подготовившие «условия, под действием которых шла преобразовательная деятельность императора Александра II» [5].

В.О. Ключевский рассматривал николаевское правление как важный этап противоречивой преобразовательной деятельности русской императорской династии в XIX веке, имперского реформирования страны с догоняющим типом развития.

В начале XX в. изданы достаточно объективные, солидные учебные курсы (С.Ф. Платонова, А.А. Корнилова и др.). В них изложение отечественной истории доведено до конца XIX в., что позволило обозначить и активно изучать проблему общей оценки николаевского царствования как этапа развития российской государственности. Началось изучение идейно-политических предпосылок николаевского правления. Историки высказали мнения о влиянии на него «просвещенного абсолютизма» (А.А. Корнилов), монархического конституционализма (А. Кизеветтер), державных взглядов Н.М. Карамзина (А. Корнилов, А. Пыпин). Констатация таких противоречивых факторов создавала мозаичную картину, требовалось дальнейшее исследование поставленной проблемы.

Важным достижением историографии стал тезис о наличии у Николая I преобразовательных намерений. Понимание необходимости реформ, готовность их произвести историки связывали также и с подавлением восстания декабристов, изучением их программных документов, наследия Александра I. Стали исследовать «оживленную правительственную работу, направленную на улучшение администрации, суда и финансов и на улучшение быта крепостных людей» [6]. Получил объяснение переход Николая I «к бюрократической форме управления»: «Но при том недоверии к дворянскому обществу, какое у него образовалось вследствие заговора декабристов, Николай имел в виду вести свои реформы без участия общественных сил, исключительно силами бюрократии» [7]. Роль последней оценивалась по-разному. Либеральный

---

историк А.А. Кизеветтер считал, что подавление восстания декабристов затормозило назревшие преобразования государственного аппарата: «Политическая реформа окончательно была снята с очереди, и правительство решило (с тем большей энергией) сосредоточить все свои силы на подготовке отмены крепостного права» [8]. Но именно бюрократизм, по мнению автора, и не позволил решить крестьянский вопрос: «Секретные комитеты николаевского царствования не сумели справиться с задачей этой реформы» [9].

В литературе содержалась и другая оценка николаевской бюрократии. Стала предметом специального исследования деятельность полиции и жандармерии, их влияние на духовную жизнь общества [10]. Историк государственного аппарата И.М. Катаев уделял главное внимание николаевской эпохе, называл ее «апогеем», «периодом расцвета бюрократии, увенчивающим многовековой процесс ее развития», считал, «что самой значительной реформой в области управления было учреждение знаменитого Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии», «император Николай верил в всеобъемлющее спасительное действие созданного им органа, как в сфере контроля над чиновничеством, так и в сфере защиты и помощи обывателям» [11]. Либеральные позиции историков не только позволили избежать апологетики императора, но и привели к выводам о несостоятельности всей его политики. Безрезультатность преобразовательной деятельности объясняли отчуждением административной системы от общества.

Формирующаяся научная историография включала в себя и критические оценки правления Николая I, но при этом постепенно углубляла его исследование. Напротив, революционная литература абсолютизировала негатив, ограничивалась разоблачительными, политизированными стереотипами. Современник царя — А.И. Герцен, хотя и декларировал «холодный разбор» его политики, заложил традицию — разоблачать «мрачное царствование», «страшное господство Николая» [12].

Однозначно негативное отношение К. Маркса, М. Бакунина, других революционеров к «варварскому самодержавию», «тирану иноземного происхождения» можно рассматривать как косвенное свидетельство эффективности охранительной политики. Подавив декабризм в 1825 г., правительство обеспечило стране четверть века относительной стабильности. В разгар революций в Европе в конце 1840-х гг. «Россия была единственной континентальной страной, не затронутой революционными событиями». В шести томах полного собрания сочинений В.И. Ленина, в разных работах, имеются фрагментарные оценки Николая I и его политики, все они — негативные. Вождь революции разоблачал «российского палача» за подавление национально-освободительных движений в Европе, в частности, ввод войск и предоставление денежной ссуды Австрии в 1848 г. и за специфический курс николаевской государственной службы и политической выучки российского чиновничества [13].

Революционное разоблачительство переплеталось с критиканским морализированием. В одном из разговоров со своим соратником В.Д. Бонч-Бруевичем В.И. Ленин положительно отозвался об очерке Л.Н. Толстого «Николай Палкин», отгектографированному нелегально без ведома автора и изданному после его смерти. Эмоционально-публицистическое восприятие одного из аспектов николаевской эпохи (физического наказания солдат) не было результатом её научного изучения, но, подкрепленное авторитетом Л.Н. Толстого и В.И. Ленина, стало одним из ложных стереотипов советской историографии.

В предреволюционные и первые годы Советской власти продолжалась публикация документов и материалов — дневников, воспоминаний членов царской семьи, специальных исследований николаевского правления. Обозначилась и активно изучалась проблема общей его оценки как этапа развития российской государственности. Представляет интерес книга М.А. Полиевктова, опубликованная в переломном для России 1917 г. Автор сдал ее

в типографию еще до февральских событий, а послесловие написал 31 октября. О значении книги свидетельствует переиздание в 2008 г. К сожалению, в современной аннотации ее содержание представлено односторонне: Николай I назван «одной из наиболее одиозных личностей династии Романовых», а его правление якобы «привело к изоляции России, Крымской войне и закончилось крахом всей системы». На самом деле М.А. Полиевктов утверждал, что «нет ничего более неисторичного, как рассматривать всю правительственную деятельность этого царствования под углом зрения «краха николаевской системы». Наследие николаевского царствования далеко не сводилось к одним язвам бюрократического режима, это была эпоха и многих действительно положительных достижений» [14], а «упадок и распад начались с 40-х гг.». Автор называл николаевское правление «последней эпохой в истории русской абсолютной монархии», когда она «окончательно облекается в формы западноевропейского полицейского государства», побеждает конституционные идеи, полностью отстраняет общественные силы от управления, становится «устаревшим оружием». Николай I был назван «действительно последним русским самодержцем». «Пигмеями» представляли его преемники на троне, «все эти «освободители», «миротворцы» и просто «благополучно царствующие» в сравнении с железной фигурой тюремщика русской свободы». В освещении «эпохи безграничного абсолютизма», которая была «уже для своего времени изжитое прошлое», М.А. Полиевктов избегал публицистического тона, утверждал принцип «спокойного объективного исследования» [15]. В результате его книга обобщила достижения дореволюционной историографии, заложила фундамент дальнейших исследований проблем сочетания в николаевской эпохе элементов стабильности и разложения абсолютизма на фоне революционных потрясений, кризисов западноевропейских монархий.

Название, изданной в 1927 г. в Ленинграде, книги А.Е. Преснякова

«Апогей самодержавия» закрепилось за правлением Николая I — наивысшей фазой развития российского абсолютизма в его военно-бюрократической форме. Автор продолжил изучение важной проблемы «взаимоотношения самодержавия и служилого класса, который требовалось «дисциплинировать и удержать в положении покорного орудия власти» [16]. Считавшийся первым профессиональным историком-марксистом М.Н. Покровский связывал с развитием товарно-денежных отношений возрастание роли чиновничества в крепостническом государстве до такой степени, что «слуга становился сильнее своих господ» [17]. Однако научное изучение проблем николаевского царствования стало тормозиться утвердившимися в советской историографии пропагандистскими штампами разоблачительного характера — «николаевское самодержавие расплылось, разменялось на бесчисленных самодержцев бюрократии, которые буквально разворовывали Россию» [18]. Советские историки морализировали на тему взяточничества, прекратили объективное изучение личности и деяний Николая I, увешали его оскорбительными ярлыками: «император-палач», «самодержавный трус», «тупой и ограниченный ум», «грубая фельдфебельская физиономия с глазами навывкате», «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира» (в некоторых изданиях — «...взводного командира» со ссылкой на Ф.Энгельса), «инквизитор, провокатор, шпион и палач», «ярый консерватор-крепостник». В словах Н.Я. Эйдельмана — «тридцатилетняя контрреволюция» — воплотилось долго преобладавшее в советской историографии разоблачительство, сводившее всю деятельность Николая I лишь к подавлению революционной тенденции. В наши дни такой подход признан односторонним [19].

В XX веке николаевскую эпоху изучали и русские историки, эмигрировавшие из страны после революции. В своих работах, ныне изданных и в России, они продолжали, развивали традиции дореволюционной историографии. Сформировался подход к истории

России второй четверти XIX в., как периоду «медленной модернизации» общества и окончательного оформления имперского бюрократического аппарата. В укрепившихся чиновничьих структурах, в целом «сдерживающих поступательное движение», историк С.Г. Пушкарев видел и «рычаг, при помощи которого будущие реформаторы смогли осуществить свои планы» [20]. Рассматривая николаевское правление сквозь призму последующих реформ Александра II, В.В. Леонтович признавал, «что при Николае I не только сохранилось, но и укрепилось многое из того, что в конечном итоге должно было привести к возникновению либерального порядка в России..., именно это укрепление послужило нужной предпосылкой для либеральных реформ Александра II» [21]. Высказавшись об упрощении, выработанных при Екатерине II и Александре I, элементов либерального правосознания, автор подчеркнул значение созданного при Николае I свода законов. Он оценивал это время, как переходную эпоху, «в которую незаметным образом один строй сменялся другим, а именно крепостной — строем гражданским» [22]. Сохранение монархического принципа правления и затягивание отмены крепостного права послужили для Леонтовича основанием «утверждать, что эпоха Николая была чрезвычайно вредной для дальнейшего развития России» [23].

Советские историки с классовых позиций негативно оценивали произведения зарубежных коллег. Н.П. Ерошкин отметил слабую изученность в советской историографии политических институтов России конца XVIII — первой половины XIX вв. и повышенный интерес иностранных авторов к правлению Николая I, к деятельности III Отделения. Но при этом он видел в рассуждениях последних лишь отголоски старой государственной школы русской историографии, «надуманной концепции о конфликте самодержавия Николая I с «обществом». Историк критиковал тезисы о «либеральных стремлениях» правительства, о самодержавии и самом императоре как

главной движущей силой или, наоборот, тормозе «модернизации» страны [24].

Произведения, изданные в годы перестройки и последовавших реформ, испытали на себе влияние советской и зарубежной историографии. Их лейтмотивом стал тезис о том, что «Николай I едва не задушил страну» [25], поскольку «считал идеалом своей империи казарму». Продолжалось разоблачение «военно-крепостнической диктатуры», неограниченного произвола, бесправия всех социальных слоев. Сохранялся тезис о неспособности самодержавия модернизировать Россию. Ставился вопрос и о том, почему не были решены важнейшие проблемы, выдвинутые жизнью. «В последних разработках отечественных ученых, — писали И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев, — ответ дается такой: Николай, отстранив общество от участия в реформе, избрав тайный путь, заранее обрек дело на неудачу» [26].

В 1990-е гг. реанимированы не только либеральные, но и прозападные подходы к изучению николаевской эпохи, появилось разоблачение «болезней русского общества», «архаики российских традиций». Большое внимание уделено развитию общественной мысли, формированию «в чужеродной среде николаевского царствования» самосознания интеллигенции, «многолетнего типа русского европейца», «поборников всестороннего приобщения России к благам европейской цивилизации». Глядя на историю сквозь призму проблемы «Россия и Запад», авторы считали ущербным «стремление правительства совместить выгоды европейской цивилизованности с реалиями дворянской и самодержавной России». Поэтому даже «смелые социально-политические эксперименты» на окраинах страны, доходившие до утверждения личной свободы крестьян в Молдавии и Валахии, и реформирование государственной деревни, по мнению авторов, вели «к утяжелению чиновничьего бремени над крестьянством». Историки демонстрировали негативное отношение к «казенному попечительству», противопоставляли «бюрократической опеке» гражданские свободы, писали о разо-

---

чаровании николаевского реформатора П.Д. Киселева «долгим и бесплодным опытом сочинения проектов робких реформ» [27].

В то же время другие историки увидели в «самом самодержавии» Николая I рычаг реформирования страны, «окончательное осознание... необходимости изменения основ социально-экономического строя», натолкнувшееся на «косное общественное мнение помещиков-крепостников» «в условиях массового неприятия дворянством любых шагов в данном направлении» [28].

В 1996 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Николая I. Но значительно более важным фактором повышения общественного научного интереса к его личности и деяниям на рубеже нового тысячелетия стало провозглашение руководством нашей страны задач укрепления диктатуры закона, вертикали власти, экономического роста, социальной защищенности граждан, воспитания гордости за Отечество и его историю.

Излишняя политизация исторического знания проявилась в активных попытках либеральных публицистов использовать укоренившийся в массовом сознании негативный образ императора для критики Президента РФ В.В. Путина. Утверждалось, что «он больше похож на Николая I», при котором Россия «проиграла все, что могла», а «лучшие люди той эпохи были в оппозиции к режиму» [29]. В представлении некоторых публицистов поражение России в Крымской войне перечеркивает всё тридцатилетнее правление Николая I, который «встал на пути развития человечества. И ему удалось затормозить прогресс в политике, экономике, науке и военном деле в России...» [30].

С другой стороны, стоящие перед страной задачи подталкивают историков к серьезному исследованию непростой эпохи Николая I, чтобы «разглядеть не мундир, а человека» и отнюдь не «в розовом или черном цвете» [31]. Основная тенденция современной историографии — переход от присущих советским исследованиям разоблачений

«николаевского военно-полицейского режима» к представлениям о патерналистском характере государственной политики [32]. Историки более основательно анализируют социальный состав и функции николаевской бюрократии, делают выводы о значительной неоднородности, различии в имущественном положении групп чиновничества, об их пестром образовательном уровне [33], о том, что «при Николае I просвещенная бюрократия, представленная в Александровскую эпоху талантливыми одиночками вроде Сперанского, стала достаточно широким социальным явлением» [34]. Переиздана написанная ещё в 30-е гг. книга И.М. Троцкого, отразившая противоречивую роль политической полиции в борьбе с бюрократизмом [35]. Современные историки считают III Отделение важнейшим проводником патерналистской политики государства, изучают его роль в выявлении и пресечении бюрократических злоупотреблений [36]. Данный аспект актуализирован созданием социальной службы в постсоветской России, надеждами на возрастание роли государства в социальной сфере. Впервые с дореволюционного времени в историографии стала освещаться, наполняться новыми фактами отеческая забота Николая I и его чиновников о нуждах народа и конкретных людей.

Современные историки по-новому осмысливают всю эпоху правления Николая I. 8 декабря 2011 г. в Институте Российской истории РАН защищена докторская диссертация И.В. Ружицкой «Законодательная деятельность в царствование императора Николая I». Важными представляются выводы автора о том, что проводившиеся при Николае I мероприятия стали подготовительным этапом реформ Александра II, сформировали их концепцию, создали теоретическую и законодательную базу. Практически одновременно в г. Майкопе опубликовано интересное исследование Ф.Х. Шебзуховой о развитии законодательства по крестьянскому вопросу во второй четверти XIX в. «в направлении некоторого ослабления личной зависимости крестьян от помещиков

и усиления правительственной опеки над деревней», которое «создало прецедент возможности отмены крепостного права» [37]. Исследователи выходят на новый уровень понимания самодержавной, имперской модернизации России, а также места николаевского царствования в этом процессе. Свою роль в процессе переосмысления всей николаевской эпохи играет специальное исследование [38] достижений русской исторической мысли и зарубежной историографии. Николай I предстает «первым после Ивана Грозного русским царем, поддержавшим четкую и позитивную формулировку государственной идеологии, которая выделяла Россию из западноевропейских стран и определяла символы, обращенные к населению», «конструктивным госу-

дарственным деятелем», заложившим «основу «регулярного» государства. Ее создание проложило дорогу реформам Александра II» [39]. До сих пор публикации не дают цельной картины, освещают правление Николая I фрагментарно, не определяют место этого загадочного тридцатилетия в историческом процессе.

Основной проблемой историографии является изучение царствования Николая I как закономерной стадии перехода от конституционных проектов начала века к великим реформам 60-70-х гг., поиска урегулирования конфликта между самодержавием и обществом, верховной властью и бюрократией, придания реформаторским мечтаниям Александровской эпохи реального действенного потенциала.

#### Примечания:

1. Устрялов Н.Г. Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. СПб., 1847; Он же. Русская история до 1855 года: в 2 ч. Репринт. изд. Петрозаводск: Фолиум, 1997.
2. Николай Первый и его время: в 2 т. Т. 1 / сост., вступит. ст. и коммент. Б. Тарасова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 440-445.
3. См. там же. С. 404.
4. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Астрель: АСТ, 2004. С. 277.
5. Ключевский В.О. Соч. Т. 5. М.: Мысль, 1989. С. 240, 258, 429, 437; Т. 9. С. 341, 361, 417, 432, 433.
6. Платонов С.Ф. Сочинения по русской истории: в 2 т. Т. 1. СПб., 1993. С. 339.
7. Там же. С. 340.
8. Кизеветтер А.А. Деятельный век в истории России. Ростов н/Д: Донская речь, 1903. С. 22.
9. Там же. С. 35.
10. См.: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826-1855. СПб., 1908.
11. Катаев И.М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. СПб.: Энергия, 1914. С. 19-21, 23.
12. Герцен А.И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М.: Правда, 1975. С. 15, 33, 266.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М.: Политиздат, 1979. С. 30, 428; Т. 37. С. 216.
14. Полиевктов М.А. Николай I: биография и обзор царствования. М.: Мир книги: Литература, 2008. С. 7.
15. Там же. С. 5, 183, 333-334.
16. Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Л., 1927. С. 272.
17. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке: избр. произведения: в 4 кн. Кн. 3. М., 1967. С. 129-130.
18. Любош С. Последние Романовы. М.; Л., 1924. С. 91.
19. См.: История России: народ и власть / сост. Ю.А. Сандулов. СПб.: Лань, 1997. С. 387-388.
20. Пушкирев С.Г. Россия 1801-1917: власть и общество. М.: Посев, 2001. С. 50-54.
21. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М.: Русский путь: Полиграфресурсы, 1995. С. 136.
22. Там же. С. 152.
23. Там же. С. 166.
24. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М.: Наука, 1981. С. 10-13.
25. Российские самодержцы (1801-1917) / отв. ред. А.П. Корелин. М.: Междунар. отношения, 1993. С. 9.



26. Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: от Екатерины Великой до Александра II. М.: Мысль, 1994. С. 601.
27. Наше Отечество. Ч. 1 / С.В. Кулешов и др. М.: ТЕРРА, 1991. С. 87-112.
28. Каменский А.Б. [Рецензия] // Отечественная история. 1994. №6. С. 231. Рец. на кн.: Реформы в России XVI-XIX вв.: сб. науч. тр. М.: Ин-т российской истории, 1992.
29. Будберг А. Год великого перелома // МК-Юг. 2004. №43. С. 7.
30. Широкоград А.Б. Русь и Орда. М.: Вече, 2004. С. 448.
31. Выскочков Л.В. Николай I. М.: Мол. гвардия, 2003. С. 11.
32. См.: Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1999.
33. См.: Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — начале XIX вв. // Человек. 1995. Вып. 3-4; Она же. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. №4; Она же. К истории взяток в России // Отечественная история. 2002. №5.
34. Апогей самодержавия? Нехрестоматийные размышления об императоре Николае I // Родина. 1997. №2. С. 55.
35. Троцкий И. III отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. С. 71.
36. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989; Ермоленко Т.Ф. Указ. соч.
37. Шебзухова Ф.Х. Российское законодательство по крестьянскому вопросу во II четверти XIX в. // Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. тр. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. Вып. 8. С. 98.
38. Поташев А.Ф. Николай I и его время. Факты, суждения, оценки. Ростов н/Д: РГУПС, 2006. 119 с.
40. Хоскинг Дж. Россия и русские: в 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. С. 333-334.

#### References:

1. Ustryalov N.G. The historical review of the reign of the sovereign emperor Nikolay I. SPb., 1847; The same author: Russian history till 1855: in 2 parts. A reprint. ed. Petrozavodsk: Folium, 1997.
2. Nikolay the First and his time: in 2 parts / comp., introductory article and commentary by B. Tarasov. M.: OLMA-PRESS, 2002. V. 1. P. 440-445.
3. Ibidem. P. 404.
4. Kornilov A.A. A course of history of Russia of the XIX-th century. M.: Astrel: AST, 2004. P. 277.
5. Klyuchevsky V.O. V. 5. M.: Mysl, 1989. P. 240, 258, 429, 437; V. 9. P. 341, 361, 417, 432, 433.
6. Platonov S.F. Works on Russian history: in 2 v. V. 1. SPb., 1993. P. 339.
7. Ibidem. P. 340.
8. Kizevetter A.A. The nineteenth century in the history of Russia. Rostovon-Don: Donskaya rech, 1903. P. 22.
9. Ibidem. P. 35.
10. See: Lemke M. The Nikolay's gendarmes and literature of 826-1855. SPb., 1908.
11. Kataev I.M. Pre-reform bureaucracy in notes, memoirs and literature. SPb.: Energiya, 1914. P. 19-21, 23.
12. Gertsen A.I. Collected works: in 8 v. V. 8. M.: Pravda, 1975. P. 15, 33, 266.
13. Lenin V.I. Complete works. V. 5. M.: Politizdat, 1979. P. 30, 428; V. 37. P. 216.
14. Polievktov M.A. Nikolay I: The biography and the reign review. M.: Mir Knigi: Literature, 2008. P. 7.
15. Ibidem. P. 5, 183, 333-334.
16. Presnyakov A.E. The apogee of autocracy. L., 1927. P. 272.
17. Pokrovsky M.N. Russian history in the most concise sketch: selected works: in 4 books. Book 3. M., 1967. P. 129-130.
18. Lubosh S. The last Romanovs. M.; L., 1924. P. 91.
19. See: History of Russia: the people and the power / comp. by Yu.A. Sandulov. SPb.: Lan, 1997. P. 387-388.
20. Pushkaryov S.G. Russia of 1801-1917: the power and a society. M.: Posev, 2001. P. 50-54.
21. Leontovich V.V. The history of liberalism in Russia. 1762-1914. M.: Russky put: Poligrafresursy, 1995. P. 136.
22. Ibidem. P. 152.

- 
23. Ibidem. P. 166.
  24. Eroshkin N.P. Serfdom autocracy and its political institutes (The first half of the XIX-th century). M.: Nauka, 1981. P. 10-13.
  25. The Russian autocrats (1801-1917) / ed. by A.P. Korelin. M.: International relations, 1993. P. 9.
  26. Zaichkin I.A., Pochkaev I.N. Russian history: from Catherine the Great to Alexander II. M.: Mysl, 1994. P. 601.
  27. Our Fatherland. P.1 / S.V. Kuleshov, etc. M.: TERRA, 1991. P. 87 -112.
  28. Kamensky A.B. [Review] // National history. 1994. No. 6. P. 231. Review of the book: Reforms in Russia in the XVI-XIX centuries: the coll. of scientific works. M.: The Institute of the Russian history, 1992.
  29. Budberg A. The year of a great change // MK-South. 2004. No. 43. P. 7.
  30. Shirokorad A.B. Russia and the Horde. M.: Veche, 2004. P. 448.
  31. Vyskochkov L.V. Nikolay I. M.: Mol. Gvardiya, 2003. P. 11.
  32. See: Ermolenko T.F. Paternalism in Russia. Rostov-on-Don: RGU Publishing house, 1999.
  33. See: Pisarkova L.F. The Russian official in service in the end of the XVIII — the beginning of the XIX centuries // A Person. 1995. Issue 3-4; The same author. From Peter I to Nikolay I: the policy of the government in the field of bureaucracy formation // National history. 1996. №4; The same author. On the history of bribes in Russia // National history. 2002. №5.
  34. The apogee of autocracy? Non-axiomatic reflections on Emperor Nikolay I // Rodina. 1997. №2. P. 55.
  35. Trotsky I. The III department at the times of Nikolay I; The life of Sherwood-the-true. L.: Lenizdat, 1990. P. 71.
  36. Mironenko S.V. The autocracy and reforms. The political struggle in Russia at the beginning of the XIX-th century. M., 1989; Ermolenko T.F. Mentioned work.
  37. Shebzukhova F.Kh. The Russian legislation on the peasant question in the II quarter of the XIX century // Questions of the theory and history methodology: coll. of scient. works. Maikop: AGU Publishing house, 2001. Issue 8. P. 98.
  38. Potashev A.F. Nikolay I and his time. Facts, opinions, evaluations. Rostov-on-Don: RGUPS, 2006. 119 pp.
  40. Hosking J. Russia and the Russians: in 2 books. Book 1. M.: AST: Transitkniga, 2003. P. 333-334.